

РАЗМЫТЫЕ КРАЯ



CHA YAN IZZY

18+

Cha Izzy

Размытые края

<https://litres.ru/74286933>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — дизайнер с дырой в душе. Он — ледяной босс. Третий — коллега, готовый на всё ради спасения семьи. Война за тендер на три миллиарда становится войной за их чувства, где предательство, шантаж и выгорание ставят под вопрос самую возможность любви.

Содержание

Часть 1. Тени Небоскреба	4
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Cha Yan Izzy

Размытые края

Часть I. Тени небоскреба

Глава 1. Стекланный потолок

Дождь барабанил по панорамным окнам «Astrum Tower» с такой силой, словно небо решило проверить стеклопакеты бизнес-центра класса «А» на прочность. Где-то там, на 52-м этаже, где воздух пах озоном от работающих серверов и горьким кофе, Алиса Морозова заканчивала третий за эту неделю эскиз, который снова пойдет в корзину.

— Это не дышит, Морозова.

Голос Артура Королева ввинтился в затылок раньше, чем его отражение появилось в глянцевой поверхности выключенного монитора. Алиса вздрогнула, инстинктивно прикрыв рукой край планшета, где поверх логотипа «NeoGen» она машинально вывела инициалы «А.К.», вписанные в ажурную букву «А.М.».

— Дышит, — возразила она, не оборачиваясь. — Просто у тебя легкие не того объема.

Артур обошел ее стол — длинноногий, в безупречно сером костюме-тройке, который сидел так, будто ткань боялась

помяться под взглядом самого Королева. Креативный директор. Живая легенда рекламного гиганта «Spectrum Group». И главная причина, по которой Алиса уже полгода забывала, как выглядит солнце.

— Легкие у меня в порядке. А вот у тебя композиция хромает. — Он наклонился, опершись ладонью о столешницу рядом с ее рукой, и Алиса уловила запах его парфюма: кедр и что-то похожее на табак, хотя он не курил. — Смотри. Ты ставишь продукт в центр, как будто это икона. «NeoGen» не икона, это... любовник. Его должны желать. Переверни перспективу. Пусть зритель смотрит на него снизу вверх, с вожделением.

— Любовник, — повторила Алиса, выделяя слово голосом как маркером. — Ты сейчас серьезно предлагаешь мне нарисовать эротическую фантазию на баннер для нового антивируса?

— Я предлагаю тебе нарисовать то, что заставит миллионы людей захотеть его скачать. А секс продается, Морозова. Ты же не вчера родилась.

— Вчера — нет. Но, видимо, недостаточно давно, чтобы разучиться рисовать со смыслом.

Она все-таки повернулась. Их лица оказались непозволительно близко. Артур не отшатнулся. Его светло-серые, почти прозрачные глаза держали ее зрачки на прицеле, и где-то глубоко внутри у Алисы предательски екнуло.

— Смысл — это то, за что ты получаешь зарплату, — про-

изнес он почти шепотом. — А я получаю за то, чтобы смысл продавался. Поэтому — переделай. И, Алиса... сотри с планшета свои каракули. Непрофессионально.

Он выпрямился и ушел в сторону переговорной «Аквариум», даже не оглянувшись, а Алиса еще минуту смотрела на то место, где только что была его ладонь. Потом взглянула на эскиз. Инициалы «А.К.» внутри «А.М.» горели на черном фоне словно признание, которого она никогда не сделает вслух.

Она стерла рисунок резким, злым движением. Планшет жалобно пискнул, стирая признание в ноль.

В «Аквариуме» его уже ждал Матвей Громов. Он сидел на столе, а не за ним, и методично уничтожал сахар из стеклянной сахарницы. Пальцы у него были длинные, с въевшейся под ногти графитовой пылью — вечный признак дизайнера-трудоголика.

— Ты ее опять до слез доведешь, — заметил Матвей, не глядя на вошедшего Артура. — У нее вон под глазами синяки размером с мою совесть.

— Твоя совесть не имеет размера, потому что отсутствует, — Артур прошел к окну, заложив руки в карманы. — И я не довожу. Я ставлю планку. Она талантливее всех, кто у нас был за последние три года. Если я дам ей поблажку, она скиснет до уровня середнячков.

— Ага. Или сбежит к конкурентам. Макаров из

«BrightMind» уже положил на нее глаз. Буквально вчера вынюхивал у эйчара, сколько у Морозовой зарплата и можно ли перекупить.

Артур медленно повернулся:

— Откуда знаешь?

— У меня везде уши. — Матвей хрустнул очередным кубиком сахара. — Береги кадры, Королев. Тем более такие кадры... с красивыми глазами и гордостью размером с Эверест.

— Слезь со стола. У нас через десять минут планерка, а ты крошки развел.

Матвей спрыгнул, отряхнул ладони от сахарной пудры прямо на дорогой ковер и, проходя мимо Артура, хлопнул его по плечу:

— Не будь таким сухарем. Она тебя боится. А женщины, которые боятся, не рисуют шедевров. Они рисуют то, что ты хочешь увидеть, а не то, что они могут.

Дверь за ним закрылась с мягким шипением, оставив Артура в звянящей тишине. Он еще раз взглянул в окно на свое отражение, и оно показалось ему чужим.

В офисе «Spectrum Group» имелся свой ритм. Он начинался в 9:00 с гула кофемашин, нарастал к 11:00, когда менеджеры проектов начинали бегать с планшетами наперевес, достигал пика в 14:00 в столовой и затихал далеко за 21:00, когда основная масса клерков покидала здание, остав-

для этажи художникам, кодерам и тем, кому некуда идти домой.

Алиса относилась к последним.

Ее квартира на окраине Москвы, доставшаяся от бабушки, стояла полупустая. Там пахло одиночеством и старыми книгами, а в холодильнике обычно лежали только яйца, сыр и начатая плитка горького шоколада. Бабушка, Зинаида Павловна, профессор филологии, умерла два года назад, оставив Алисе не только жилплощадь, но и хроническое чувство вины за то, что не успела дочитать ей вслух «Мастера и Маргариту». Глава «Понтий Пилат» так и осталась лежать закладкой на 278-й странице.

Мать Алисы жила в Питере, пила антидепрессанты и раз в месяц звонила, чтобы напомнить дочери, что «вся эта твоя карьера в Москве — побег от реальности». Отец ушел, когда Алисе было двенадцать. Просто однажды вышел за хлебом в гастроном на углу Большой Пушкарской и исчез. Растворился. Телефон — вне зоны. Паспорт — на месте, в ящике стола. Как в плохом романе: ни труп, ни развода, ни алиментов.

Алиса с тех пор ненавидела недосказанность. Она любила четкие линии в графике, закрытые гештальты в проектах, ясные ответы. Но судьба подсовывала ей сплошные размытые края: мать с ее манипулятивной любовью, память о бабушке, которая ушла слишком рано, и Артура Королева — человека, который говорил одно, делал другое, а смотрел так, будто знал о ней что-то, чего она сама о себе не знала.

В обеденный перерыв Алиса спустилась в столовую на 20-й этаж. Взяла поднос с супом-пюре из брокколи и круассаном, который был ей совершенно не по карману (но что такое финансовая дисциплина, когда внутри зияет дыра размером с детскую обиду?).

— Можно?

Она подняла глаза. Рядом стоял Матвей Громов со своим подносом, на котором балансировали два бифштекса, порция картошки фри и стакан сока.

— Здесь вроде не занято, — пожала плечами Алиса.

Он сел напротив, сразу начав резать мясо. Движения у Матвея были странные — порывистые, как будто он боялся, что еда исчезнет, если он не съест ее немедленно.

— Ты всегда так много ешь? — не удержалась Алиса.

— Не всегда. Только когда нервничаю. — Он отправил в рот кусок бифштекса. — А нервничаю я постоянно.

— Из-за работы?

— Из-за всего. — Матвей прожевал, глядя куда-то поверх ее плеча. — Из-за дедлайнов, из-за Королева, который с утра опять кому-то вынес мозг... из-за сестры.

Он произнес последнее слово тише, словно это был пароль, который он доверил ей по ошибке. Алиса насторожилась:

— С сестрой что-то случилось?

— Случилось. — Матвей отодвинул тарелку. — Она жи-

вет в Калуге. У нее ребенок, моя племянница, Арина. Ей пять. И у нее порок сердца.

В столовой продолжал гудеть кондиционер, кто-то смеялся за дальним столиком, а в этом углу пространство будто схлопнулось до размеров маленькой девочки с больным сердцем.

— Мне очень жаль, — сказала Алиса.

— Мне тоже. — Он дернул плечом. — Очередная операция стоит... ну, много. Страховка покрывает ерунду, а нужно лететь в Германию. Кардиоцентр в Мюнхене. Поэтому я здесь. Поэтому я берусь за все проекты, которые подкидывает Артур, даже самые идиотские, и пашу по 14 часов в сутки. Потому что Арина должна жить.

Алиса почувствовала, как ее собственные проблемы — недосып, претензии Королева, пустая квартира — уменьшаются до размеров горошины. Ей стало стыдно. И одновременно — невыносимо захотелось помочь этому угловатому, вечно нервному парню с вечно грязными от графита пальцами.

— Если я могу чем-то помочь...

— Можешь. — Матвей подался вперед. — Не поддавайся Артуру.

— Что?

— Он тебя ломает, я вижу. Он всех ломает под свой шаблон. А ты другая. Ты мыслишь не как дизайнер, а как художник. Это редкость. Если он тебя дождет, ты станешь еще од-

ним винтиком. А «Spectrum» не нужны винтики. Ему нужны люди, которые спорят с Королевым.

— Ему — это кому?

Матвей замаялся. Потом усмехнулся:

— Ну, не Артуру точно. Миру. Проекту. Не знаю. Просто не сдавайся.

Он встал, подхватил поднос и ушел, оставив ее в полном замешательстве. Круассан так и остался недоеденным.

После обеда грянула катастрофа.

Алиса вернулась на свое рабочее место и обнаружила, что планшет, на котором она хранила все эскизы для тендера «GreenCity» — крупнейшего заказа квартала, — не подает признаков жизни. Черный экран, ни огонька индикации.

— Черт. Черт, черт, черт!

Она перепробовала все: жесткую перезагрузку, подключение к разным розеткам, молитву и ругательства вперемешку. Планшет был мертвее мертвого.

— Проблемы? — Артур возник из ниоткуда, как умел только он.

— Планшет сдох. Все эскизы «GreenCity». Они были только здесь. Я не успела скинуть в облако.

Лицо Артура окаменело. Тендер «GreenCity» был его личной войной. Конкурент — агентство «BrightMind» во главе с Денисом Макаровым, тем самым, который, по слухам, хотел перекупить Алису. Презентация через пять дней.

— Ты понимаешь, что ты сейчас сказала? — Голос его не повысился ни на полтона, но от этого стал только страшнее.

— Понимаю. Я все восстанавливаю. Я помню каждый эскиз.

— Восстановишь? — Артур присел на край ее стола, и это было так неожиданно по-человечески, что Алиса растерялась. — Ты знаешь, сколько процентов информации человеческий мозг искажает при воспроизведении по памяти? 30-40%. Ты восстановишь не эскизы, ты восстановишь их искаженные копии.

— Тогда что ты предлагаешь? Сдаться?

Впервые за время их знакомства Артур не нашелся с ответом мгновенно. Он смотрел на черный планшет, и Алиса видела, как в его глазах мелькают цифры, сроки, лица клиентов, сорванные контракты, подмоченная репутация.

— Я предлагаю отдать планшет нашему технаря, — сказал он наконец. — И молиться, чтобы они смогли снять данные. А пока... Начинай восстанавливать то, что помнишь. Вручную. Бумага, карандаш. Как в старые добрые времена. Я помогу.

— Ты?

— Я, Морозова, тоже умею рисовать. Не настолько хорошо, как ты, но азы помню. Два дилетанта лучше, чем один профессионал в истерике.

Она не была в истерике. Она была в ярости. Потому что догадывалась: просто так профессиональная техника не умирает.

— Кто-то залез в мой планшет, — сказала она. — Кто-то его вырубил специально.

Артур нахмурился:

— Думаешь, саботаж?

— Я знаю, что саботаж. Вчера он работал идеально. Сегодня — труп. Я не верю в совпадения.

— Кому это выгодно?

Ответ лежал на поверхности, но оба молчали. «BrightMind». Макаров. Конкуренты, которые не гнушаются ничем. Но как они получили доступ к ее рабочему месту? Через кого? В офисе «Spectrum» не было случайных людей — пропускная система, камеры, охрана. Значит, кто-то свой.

— Я разберусь, — пообещал Артур. — А пока — рисуй.

Они просидели в опустевшем опенспейсе до двух часов ночи. За окнами пролетали огни ночной Москвы, редкие машины на Садовом, где-то внизу мигали вывески круглосуточных кафе. Артур снял пиджак, закатал рукава рубашки и действительно рисовал — неуклюже, но старательно, смешно высовывая кончик языка, когда выводил особенно сложную линию.

Алиса смотрела на него и не узнавала. Куда делся ледяной креативный директор? Перед ней сидел уставший мужчина с красными от недосыпа глазами и испачканными графитом пальцами. Человек.

— Почему ты не женат? — спросила она вдруг, и вопрос

прозвучал слишком интимно для двух часов ночи.

Артур замер с карандашом в руке.

— Не поверишь. Я был женат. Пять лет.

— И?

— И она ушла. Сказала, что я женат на работе, а она не хочет быть любовницей на стороне. — Он криво усмехнулся.

— Она была права. «Spectrum» — это единственная женщина, которая от меня без ума. Потому что я даю ей всё свое время, все силы и всю душу, сколько ее осталось.

— А родители?

— Отец — военный пенсионер, живет в Твери. Мать умерла семь лет назад. Рак. Отец с тех пор почти не разговаривает — ни со мной, ни с кем. Сидит целыми днями в гараже, перебирает двигатель старой «Волги», которую никогда не починит. Я приезжаю раз в месяц. Мы пьем чай на кухне, молчим, я оставляю ему деньги и уезжаю. Идеальные отношения — ни ссор, ни обид, ни чувств.

В его голосе было столько горечи, что Алисе захотелось коснуться его руки. Но она сдержалась.

— У меня похоже, — сказала она. — Мама в Питере, пьет таблетки. Отец исчез, когда мне было двенадцать. Бабушка умерла два года назад. У меня осталась только эта работа. И кот, которого я вижу раз в сутки и который, кажется, уже забыл моё имя.

— У тебя есть кот?

— Технически да. Фактически — это меховой сосед, ко-

торый позволяет мне жить в его квартире.

Артур рассмеялся, и смех у него оказался совершенно неожиданным — мальчишеским, звонким, идущим откуда-то из груди, а не из головы. Алиса поймала себя на том, что улыбается.

— Знаешь, Морозова... Ты странная.

— Я в курсе.

— Нет, не в том смысле. Ты... настоящая. В этом офисе все носят маски. Улыбаются, когда хочется плакать, говорят «да», когда хочется послать. А ты всегда говоришь, что думаешь. Даже мне. Особенно мне.

— Это плохо?

— Это опасно. Для тебя. Но для меня... — Он не договорил. Заправил за ухо упавшую прядь волос и снова склонился над эскизом.

До рассвета оставался час, когда они закончили. На столе лежали восемнадцать листов с восстановленными набросками. Не идеальными, но живыми. Восемь часов работы. Восемь часов наедине.

Артур вызвал ей такси. На прощание задержал ее ладонь в своей чуть дольше, чем требовали приличия.

— Завтра утром загляни к технарям. Если данные с планшета не снимут, у меня есть копия. Неполная, но что-то.

— Копия? Откуда?

— Я иногда проверяю работу своих подчиненных удаленно. Это не слежка, это контроль. Я скопировал часть твоих

файлов неделю назад. Не спрашивай, зачем.

Он отпустил ее руку, и Алиса шагнула в лифт. Двери закрылись, и она прижалась лбом к холодному металлу. Сердце стучало как ненормальное. Она не знала, что чувствует: благодарность, страх, надежду или всё сразу.

На следующее утро технари подтвердили: планшет был закорочен через USB-порт. Кто-то воткнул в него «убийцу» — устройство, которое разрядом сжигает материнскую плату. Это был не несчастный случай. Это был саботаж.

Артур собрал экстренное совещание в «Аквариуме». Алиса, Матвей, начальник безопасности и два айтишника сидели за столом, изучая записи с камер. Тот, кто испортил планшет, знал о слепых зонах: камеры не покрывали участок у окна, где стоял стол Алисы.

— Это свой, — сказал начальник безопасности. — Чужак не знал бы схемы расположения камер.

— Кто угодно из сотрудников, — добавил айтишник. — У нас две сотни человек только на этом этаже.

Артур выслушал всех, а потом сказал то, от чего у Алисы кровь застыла в жилах:

— Планшет — только начало. Если конкуренты или кто-то внутри решили сорвать тендер, они пойдут дальше. Алиса, с этого дня ты не оставляешь материалы без присмотра. Все дублируешь в облако, на флешку и в мой личный кабинет. Матвей, ты помогаешь ей с презентацией. Работаем в

режиме «красный код».

— Понял, — кивнул Матвей, и что-то в его глазах мелькнуло такое, что Алиса не смогла расшифровать.

После совещания Матвей догнал ее в коридоре:

— Алиса, постой.

— Что?

Он мялся, перекатывая в пальцах очередной кусочек сахара — видимо, таскал их из столовой горстями.

— Я должен тебе кое-что сказать. Про Артура.

— Что про него?

— Он... не совсем тот, за кого себя выдает. — Матвей понизил голос. — Тендер «GreenCity» — это не просто контракт. Это битва. У Макарова из «BrightMind» есть компромат на Артура. Точнее, был. До вчерашнего дня.

— Какой компромат?

— Два года назад Артур переспал с женой крупного клиента. Случайно, по пьяни, что угодно — но факт есть факт. Клиент узнал, скандал замяли, но осадочек остался. Макаров каким-то образом получил доказательства — скриншоты переписки, не знаю. И шантажировал Артура. Требовал снять «Spectrum» с тендера «GreenCity».

У Алисы голова пошла кругом.

— И что Артур?

— Артур отказался. Сказал: «Пусть публикует. Я свою репутацию не на помойке нашел». Но вчера... вчера компромат исчез.

— Как исчез?

— Кто-то взломал личный архив Макарова и удалил всё. Вообще всё — и компромат на Артура, и еще кучу грязи, которую Макаров годами собирал на всех. Айтишники «BrightMind» в шоке. Макаров рвет и мечет.

— И ты думаешь, это сделал Артур?

— Я ничего не думаю, — Матвей поднял руки. — Я просто говорю: будь осторожна. Ты влезла в войну, масштабов которой не понимаешь. И ты нравишься им обоим — и Артуру, и Макарову. А в таких войнах женщины часто становятся разменной монетой.

Он ушел, а Алиса осталась стоять в пустом коридоре, глядя в окно на серое московское небо. В голове крутились обрывки вчерашнего разговора: «У меня есть копия. Не спрашивай, зачем». Артур скопировал ее файлы. Зачем? Чтобы помочь или чтобы контролировать? Он сказал, что компромат на него исчез. Это совпадение или нет?

Война. Она в эпицентре войны.

И где-то далеко, в офисе «BrightMind», Денис Макаров, проигравший первый раунд, уже планировал следующий ход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.